

VI — начала VII в. упоминания об антах становятся все реже, а потом и вовсе прекращаются (см. стр. 218—220).

Особо следует рассматривать, по мнению Е. Ч. Скржинской, вопрос относительно области расселения антов в IV в. ввиду неясности хода их передвижений с IV по VI в. Во всяком случае весьма возможно, что в IV в. они обитали на правом берегу Нижнего Днепра, где у них был свой вождь по имени Бож, упоминаемый только Иорданом, и притом один раз (в § 247); разбирая различные толкования этого имени, Е. Ч. Скржинская предлагает поставить его в связь со славянским словом «вождь» и считать его не именем собственным, а синонимом слова «dux» (хотя она подчеркивает, что и слово «вождь» могло быть собственным именем предводителя антов) (см. стр. 320—322). Столкновение остготского вождя Винитария (одного из преемников Германариха) с Божем комментатор, вопреки принятому мнению, предлагает относить не к году смерти Германариха, а к самому концу IV или началу V в. (см. стр. 320); при этом отвергается мнение Шмидта о легендарности Божа и Винитария, а также — всего рассказа Иордана о борьбе готов Винитария с антами и гуннами и указывается на историчность имени «Винитарий», сохранившегося вплоть до VIII в. (имя писца-монаха Сен-Галленского аббатства) (стр. 320). Точно так же не принимает Е. Ч. Скржинская и гипотезу Ольрика и Шмидта, отождествляющих (на основании филологического анализа этнического названия «анты») ранних антов IV в. с кавказскими аланами: не отрицая того, что это название может происходить от аланского корня, Е. Ч. Скржинская подчеркивает, что этим именем могли называться не только аланские, но и славянские племена, впоследствии подпавшие под господство аланских родов, которые подверглись славянизации (эту возможность признал впоследствии — в 1953 г. — Г. В. Вернадский, который в своих прежних работах еще примыкал к аланской гипотезе происхождения антов) (см. стр. 321—322).

Таким образом, Е. Ч. Скржинская присоединяется к мнению советских славистов (М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова и Д. С. Лихачева) о принадлежности антов к славянским племенам (см. стр. 322).

В примечании № 70 к слову «спалы» (у Иордана в § 28, где идет речь о племени, на которое напала часть готов после их продвижения в область Ойум) Е. Ч. Скржинская вполне обоснованно придает большое значение упоминанию Иордана о спалах на Нижнем Днепре, ибо у Прокопия близкое к слову «спалы» название «споры» (так же, как и слово «венеты») служило общим наименованием для двух будущих крупных групп славянских племен — склавенов и антов; поэтому указание Иордана на пребывание спалов в области нижнего течения Днепра существенно для локализации славян в III—IV вв. (см. стр. 196).

Свидетельство Иордана о подвластных Германариху «росомонах», упоминающихся только Иорданом (в § 129), Е. Ч. Скржинская предлагает не смешивать с данными о «роксолахах», упоминаемых Страбоном, Птолемеем и тем же Иорданом; отвергая предположение Шмидта о фиктивности племени «росомонов», Е. Ч. Скржинская указывает на существование значения начала их названия — «рос», которое происходит либо от осетинского (аланского) «рохс» — «светлый», либо от названия народа «рос» — по свидетельству писателя VI в. Захария Ритора. Если принять это последнее толкование, то «росомоны» могут считаться «ядром» будущей русской народности (по мнению Б. А. Рыбакова; ср. также предложенное Н. В. Пигульской исследование сирийских источников VI в. — хроник Иоанна Эфесского и Захария Ритора). Однако Е. Ч. Скржинская подчеркивает, что историческая наука еще не разгадала окончательно смысл названия «росомоны» и не произвела их точного этнического приурочения (см. стр. 279—280).

Отмечая упоминание Иорданом в § 24 германского племени руг и е в, а также вышедших из Скандинавии («с острова Скандзы») ульмеругов — островных ругиев (§ 26), Е. Ч. Скржинская сопоставляет это свидетельство Иордана с данными Тацита о ругиях, живущих у самого «океана» (т. е. Балтийского моря) (Тас., Germ., 44), и о большом племени луг и е в, занимающем обширную территорию между Одером и Вислой и распадающемся на целый ряд более мелких племен, частично перечисленных Тацитом⁶. При этом Е. Ч. Скржинская разграничивает эти два соседних племени по их этническому происхождению и, в отличие от ругиев, считает лугиев, упомянутых также в качестве большого племени Страбоном (Geogr., VII, I, 3), славянами; она опирается при этом на археологические данные (близость так называемой «лужицкой культуры» к культуре венедов) и на Пейтингеровы таблицы IV в., называющие и венедов, и лугиев сарматами, т. е. рассматривающие лугиев как негерманское племя (см. стр. 192—193).

В примечаниях о часто упоминаемых Иорданом сарматах Е. Ч. Скржинская, указывая на собирательный характер этого названия, исходящего в сущности из географического признака (племени Сарматии, т. е. средней и южной части Восточно-Ев-

⁶ См. Та с., Germ., 43: Ex quibus latissime patet Lugiorum nomen in plures civitates diffusum. Valentissimas nominasse sufficiet, Harios, Helveconas, Manimos Helisios, Nahanarvalos.